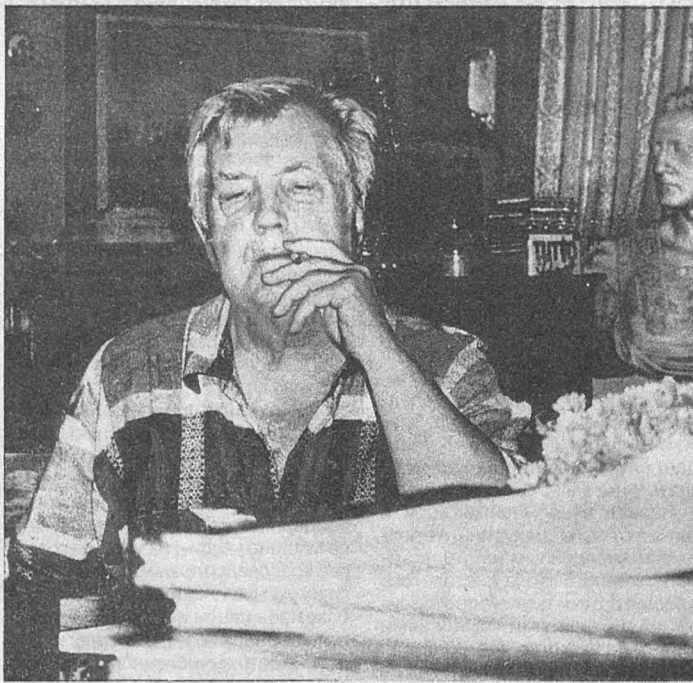

В сражениях и боях за старую Москву

ФИГУРЫ XX ВЕКА

В издательстве «Голос» выходит моя книга об Илье Глазунове. Почему о нем? Он самый популярный художник в России. Почти все его имя знают, половина респондентов признается, что любят написанные им картины. А искусствоведы — столь же единодушны в непризнании. Таков один из парадоксов моего героя, о котором я хочу рассказать.

Для краеведов, которые когда-нибудь захотят установить адреса Глазунова в Москве, сообщаю то, что записал давно, при первой встрече с ним: в каких домах он жил, как боролся за старую Москву, безжалостно уничтожаемой по Генеральному плану...

— Москву я узнал хорошо потому, что часто менял адреса. Прописали меня поначалу временно в квартире сестры овдовевшей Майи Луговской, жены известного поэта. Так называемая санитарная норма позволяла произвести эту милицмейскую операцию. Но там я никогда не жил.

Два года с женой Ниной прожил в комнате-кладовке друга испанца Гарсиа на улице Воровского, (теперь Поварская. — Л.К.), дом 29, квартира 50. Испытал на себе все прелести многонаселенной коммуналки. Один пенсионер-«чайник» дрессировал на кухне кошку. Соседи ворчали: живут тут всякие без прописки. Но до милиции дело не дошло.

По утрам бродил по переулкам Арбата, узнал и полюбил коренных москвичей. И все сильнее проникался любовью к самой Москве. Когда вместо пленительных особняков и домов классического стиля стали появляться на Арбате коробки, напоминающие здания колониального вида, начал бунтовать против произвола архитекторов, не ценивших и не понимавших красоты прошлого.

Памятники спасал клуб «Родина», я его создал в 1962 году, он сначала находился в узком дворике, потом его перевели в Крутицкое подворье. Выставку организовал в гостинице ЦК комсомола «Юность», где показал Сухареву башню, Красные ворота, сломанные храмы Москвы и бац! — рядом с этими фотографиями — уничтоженные немцами памятники Новгорода, Пскова, Истры! Произошел скандал, выставку закрыли, я был признан чуть ли не фашистом. Михалков привел на выставку дядю из госбезопасности, тот, прощаясь, меня прозвонил:

— Илья Сергеевич, речь идет об одном: считает ли человек Октябрьскую революцию трагедией русского народа или считает победой, которая дала новую жизнь и возможность построения коммунизма. Тех, которые думают, что это трагедия, мы наказываем, тех, которые считают, что это было большое благо и историческая закономерность, мы называем советскими людьми и всячески поддерживаем. А это ведь не немцы разрушили...

И показал взглядом на Сухареву башню.

Я познакомился с реставратором Барановским, ему Володя Десятников, мой друг, он тогда работал в Министерстве культуры, почетное звание выхлопотал. Стали о Барановском как о заслуженном деятеле культуры писать, рассказывать легенду, как он при Сталине храм Василия Блаженного спасал, грозил покончить жизнь самоубийством, если его снесут. Журналист Василий Песков очерк о нем и о нашем клубе в «Комсомолке» написал, шума было после его статьи много...

...В то время, прерву на минуту монолог художника, он сблизился со многими известными в комсомоле людьми, особенно — с Валерием Ганичевым, и, рискуя будущим, своим и его, дал почитать две книжки на русском языке, изданные за границей. За них можно было как минимум вылететь из рядов партии и комсомола, как максимум угодить в тюрьму по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

— Любопытные факты я узнал, — сказал без эмоций Ганичев, возвращая книги, — но советую другим не показывать.

Помогал клубу «Родина» в ЦК ВЛКСМ Николай Мирошниченко, сославшийся Глазунова в журнал «Смена», где вышла статья в защиту древней русской культуры. Идеи автора статьи овладевали умами влиятельных людей, далеких от искусства. Шеф Комитета молодежных организаций — КМО — Петр Решетов под влиянием рассказов Ильи Сергеевича поехал с ним в Ростов Великий, где впервые увидел богатый Кремль, сохранивший древних построек больше, чем Московский Кремль. Экскурсия закончилась тем, что богатая по тем временам организация комсомола, центр молодежного туризма «Спутник», решил отреставрировать древние соборы и палаты Ростова Великого, расположив под их сводами молодежный центр туризма, что и было сделано. Туда же направился однажды вождем комсомола Сергей Павлов, увидевший, как комсомольцы, собирая металлолом, к чему их призывал ЦК ВЛКСМ, содрали с икон ростовской церкви бронзовые оклады и сдали их на вес, как вторсырье.

Бурная деятельность неоплаченного Глазунова в клубе «Родина» закончилась тем, что на его место поставили какого-то удобного человека, не нападавшего ни на кого.

Ну, а Илья Глазунов, оказавшись не у общественных дел, организовал вместо клуба секцию охра-

ны памятников при... Комитете защиты мира!.. Снова включаю запись с диктофона:

— Глава комитета Котов, молодец, не побоялся Хрущева и создал вместе с Захарченко, моим другом, секцию охраны памятников, куда я собрал всех недобитков, ученых, историков.

В этом месте рассказ трансформировался в театральные эпизод, и голосом почтенного Василия Дмитриевича Захарченко Глазунов произнес некогда коронную фразу поэта и замечательного редактора «Техники — Молодежи», автора сценария фильма «Наш Никита Сергеевич»:

— Дорогие друзья, наши древние русские памятники имеют огромное значение в борьбе за мир во всем мире...

— Из этой секции, — продолжил рассказ И.С., — возникло будущее общество охраны памятников. Как только Брежнев бумагу подписал, все эти профессора, все эти гиганты, которые тряслись...

И здесь снова я увидел и услышал, как тряслись и кричали перепуганные профессора, когда раздавался окрик товарищей сверху, из ЦК и МК КПСС:

— Э-х, о-х, э-х, Илья Сергеевич, вы нас заведете куда-нибудь не в ту степь, мы потом костей не соберем...

— Я иду первый, мне и переломают...

Принимал меня секретарь московского горкома Гришин. Ему Брежнев переслал наше письмо, где мы протестовали против того, что наделали архитекторы в Москве, ломая старую историческую застройку. Тогда власти города образовали комиссию, куда вошли не только архитекторы, но художники, писатели, журналисты (в числе которых оказался и автор этой книги). Она решала судьбу каждого строения, обреченного на снос. Архитекторы называли ее «несносной комиссией».

Воевал с Промысловым, отцом города, его заместителем, главным строителем Пашенко, крушившим все подряд. При Пашенке облицовывали цоколи ампирических особняков «кабанчиком», коричневой керамической плиткой вместо белого камня. Наверняка этот тип любил париться в Сандунах и самые счастливые минуты жизни у него связаны с баней, оттуда перенес плитку на фасады всей Москвы.

Сломал Моссовет угловой дом у Никитских ворот, чтобы построить ТАСС. Решили снести старинную усадьбу напротив, где кинотеатр повторного фильма, чтобы и здесь поднять коробку.

Усадьба древняя, на ней мемориальная доска висит.

Как остановить бульдозер?

Написал письмо Косыгину, главе правительства. Он его в Москву направил, надо мне городу на это письмо отвечать. Вызвали меня на Тверскую в исполком в кабинет К. Пашенко, был такой простолоудин.

Переписал я сразу в блокнот — мне так юристы посоветовали, все фамилии архитекторов, что собрались у него в большом кабинете. Первым назвался Тхор Борис Иванович, милый человек, с Посохиным Новый Арбат построил, крушил все подряд. Они все милые люди. Но, как говорил Петр Первый, все сенаторы — добрые люди, а Сенат — злая бестия. Эта бестия — ГлавПУ. Главное архитектурно-планировочное управление города Москвы.

Я Пашенке: вас обманывают архитекторы, показывают фотографии развалюхи, а на самом деле это церковь Иоакима и Анны на Якиманке, от нее название улицы пошло. Перечисляю другие храмы божьи, Казанский собор на Калужской, что идет под снос, Литературный музей, мой дом родной...

Он меня слушает, потом говорит: времени у вас свободного много, потому ходите везде, пишете, как старик, вы же не пенсионер, вам лет тридцать пять, а чем занимаетесь?

— Вот вы к товарищу Косыгину обратились. Что правительству пишете?

И зачитывает мое письмо, волна варварских разрушений сметает с лица земли то, чем восхищались иностранцы, за что умирали наши отцы в Великую Отечественную войну...

— Наши отцы умирали не за будущий город, который построит ГлавПУ, а за старую Москву, в каждой столице есть старый город, нигде не ломают центры древних городов.

Пашенке надо отвечать Косыги-

ну, а ведь никто не знает, ни он, ни Моссовет, ни ГлавПУ, что я писал портрет Косыгина, он меня поддерживал, сам посоветовал написать ему же письмо!

— Так и я не знал, что вы Косыгина портрет писали!

Протер Пашенко глаза, простой человек был, сразу на ты переходил, по-партийному:

— Слушай, вот ты пишешь, что там когда-то Герцен бывал. Мы тот дом старый к чертовой матери снесем, а новый построим.

Что ему ответить? Коммунистов только Ленин мог остановить. Я и говорю, товарищ Пашенко, улица Герцена названа так потому, что в этом доме у Огарева бывал Герцен, которого высоко ценил Ленин: «Декабристы разбудили Герцена, а Герцен разбудил всю Россию!»

Он меня обрывает и предлагает:

— Мы мемориальную доску сбережем, потом тебя пригласим на открытие, ты ее где захочешь, там и навинтишь.

Я изобразил смертельную обиду, и гнев засверкал в моих глазах:

— Товарищ Пашенко, я не Ленин! Это Ленин повесил мемориальную доску лично, не заставляйте меня делать то, что делал Ленин!

И горделиво ушел.

— Не смею вас больше задерживать. Мы с вами будем бороться до конца.

Он мне вдогонку в спину:

— Вraga, бра....

Главный архитектор Посохин книгу написал «Город для человека», там есть его проекты, где все на старых улицах сломано! От Арбата ничего не оставял. Много таких проспектов, как Новый Арбат, должно было быть. Много они уничтожили замечательных зданий на Волхонке, Пречистенке, Тверском бульваре...

Я долго не мог успокоиться, когда на Якиманке снесли особняк Литературного музея, где я часто бывал, то был мой дом родной. Тогда сломали много других старых домов, расчищали, гады, Москву к приезду американского президента Никсона. С тех пор у Боровицкой башни Кремля пустырь остался, его площадью Никсона зовут.

Вместе с фотографом Кулешовым, художниками Артемьевым, Трофимовым, искусствоведами мы сделали большой альбом, где собрали фотографии, чтобы показать, какую красоту потеряли и что получили взамен. Москва — арсенал национальной памяти, когда исчезают стены, связанные с историей, стирается память о прошлом. Все эти соображения мы изложили на бумаге... Письма за подписями Шостаковича, Капицы и других уважаемых людей отправляли через Сергея Михалкова в Кремль.

— Посмотрите, что они там пишут, — распорядился Брежнев.

Спасал Москву, когда Новый Арбат по-живому рубили. Старичок лысый, бедный Антропов сел в ковш экскаватора, когда собирались ломать церковь Симеона Столпника, где венчался граф Шереметев и Параша Жемчугова, где отпевали Гоголя. Посохин хотел и эту церковь убрать. Мы ее спасли. Но Гришин не разрешил кресты над куполами восстановить.

Мой чудный друг Коробов, Александр Васильевич, царство ему небесное, Антропов и Глазунов — основоположники охраны памятников в Москве. Да, еще Гали Алферова, какая хорошая, я ее обожаю.

— Кто еще?

— Профессор Ревякин, академик Воронин, Николай Николаевич, чудный человек был, академик Петрянов-Соколов, я их многих привлек.

А потом, при Брежневе, когда Захарченко выставил мою кандидатуру, выступил историк Шмидт, который как собачка всегда становился на задние лапки, заглядывал в глаза Кочемасову, ведавшему охраной памятников, любому начальнику, боялся рот раскрыть, а тут храбрый стал и говорит:

— Василий Дмитриевич, как вы не понимаете, выставял кандидатуру Глазунова некорректно!

С Захарченко чуть ли не истерика случилась.

Для банды мерзавцев, чиновников, засевших в обществе, я стал самым злой человек, эти негодяи, которые имели там зарплату, машины, мало что делали для охраны.

Когда за это карали, когда общество создавал, я был номер один, нужен им. Когда Брежнев подписывал бумаги, набрали чинов-

ников кучу, стал через два года им не нужен.

— С Арбата переехал в Ананьевский переулок, в район Сретенки. Там получил по ордеру первое московское жилье, где прописали постоянно. То была маленькая однокомнатная квартирка в старом доме на первом этаже. Я безумно радовался, что стал москвичом, получил постоянную прописку, имел свой дом. Выходил из Ананьевского, бродил по сретенским переулкам, как прежде по арбатским, искал то место, где прежде стояла Сухарева башня, нужно и ее обязательно восстановить.

Любовался Москвой с вершины сретенского холма, где когда-то простиралось легендарное Кучково поле, жил боярин Кучка, смотрел на заход солнца, как гасли облака. У Сретенских ворот древняя Москва встречала икону Владимирской Божьей матери, когда ее переносили в Кремль из Владимира. Собор Владимирской богородицы устоял, а Сретенский монастырь сломали.

Так, меняя адреса, узнавал Москву. Со Сретенки перебрался на проспект Мира, 122, где «Дом обуви», в хороший сталинской архитектуры дом, однокомнатную квартиру 273, в ней была комната 21 метр и кухня 6, 8 метра. Но здесь не пришлось жить долго, Сергей Михалков попросил срочно поменять эту квартиру на другую, однокомнатную, по улице Р. мена Роллана, в хрущевской планировки панельном корпусе. Здесь на первом этаже жил писатель, у него кто-то в семье повесился... Пришлось выручать.

Таким образом оказался у Поклонной горы. Тогда еще не стояла здесь Триумфальная арка, восстановленная заново. Это вдохновляющий пример, того же ждут Красные ворота.

Рядом с моим домом начинался лес, пахло скошенной травой, пешком можно было дойти до Воробьевых гор, самого высокого места, откуда так далеко видна Москва. Гулял часто с сыном Николаем Рериха — Юрием Рерихом, узнал от него, что в маленькой церкви бывшего села Воробьева, она белеет на бровке холма, венчался Михаил Кутузов, дедушка его матери. Мы нашли то место, где Герцен и Огарев поклялись в любви к Отечеству.

Когда обитал на Сретенке и на проспекте Мира, открыл для себя деревянный терем, построенный по проекту Виктора Васнецова, где он жил, набрал на древний, похожий на новгородский, храм Трифона в Напрудном, чудом сохранившийся на Трифоновской улице.

В Донском монастыре на кладбище, куда свозили остатки сломанных московских церквей, увидел белокаменные рельефы со взорванного храма Христа Спасителя, статуи Дмитрия Донского и Сергея Радонежского, вдохновившего князя на подвиг на Куликовом поле.

Стараясь быть предельно точным, написал их на картине, начал цикл, посвященный Куликовской битве. Если бы не Куликово поле, мы могли бы исчезнуть с лица земли, как другие народы.

...В однокомнатной квартире жить и работать, писать картины и портреты было невозможно. Поэтому на Кутузовском проспекте я снял мастерскую в большом доме 47, двухкомнатную квартиру номер 199. Ее площадь была 28 квадратных метров. Тогда это можно было сделать за сравнительно небольшую плату, кажется, сто двадцать рублей в месяц, если память мне не изменяет. Все эти цифры есть в издании А. Скуратова. Под этим псевдонимом Анатолий Михайлович Иванов напечатал в подпольной книжечке на правах рукописи статью, изданную на Западе стараниями эмигрантского «Часового», опровергающую распространявшуюся на Западе ложь, что якобы, как только приехал в Москву, сразу получил роскошные квартиры и «одну из лучших профессиональных мастерских» на Кутузовском, потому что был осведомителем Лубянки. Об этом написал американский журналист, назвавший меня агентом КГБ, чему с радостью поверили многие эмигранты «третьей волны». (От себя добавлю, в это продолжают верить некоторые московские искусствоведы по сей день, хотя опубликованные документы, письма шефов КГБ, Семичастного и Андропова, опровергают эту клевету...)

...С Поклонной горы благодаря содействию, по словам Ильи Глазунова, «хорошего человека» в ЦК ВЛКСМ, Петра Решетова (когда наши танки вошли в Прагу, против чего он протестовал, его карьера оборвалась), перебрался в район ВДНХ, Кулакова переулка. Название это перешло от местности, где в прошлом проходили кулачные бои. В «Кулаковке» получил двухкомнатную квартиру в поселке сотрудников аппарата ЦК комсомола. Соседкой была машинистка. Эту двухкомнатную квартиру постиглось случайно поменять на квартиру в Калашном переулке, где у Глазунова была к тому времени мастерская на чердаке в башне, полученная после триумфа в Италии.

Жившие на верхнем этаже дома родственники пересорились и подыскивали срочно вариант обмена, который им подвернулся. Так неожиданно для себя стал Илья Сергеевич жителем Калашного переулка, где проживает по сей день.

Лев КОЛОДНЫЙ.

Глава из книги «Любовь и ненависть Ильи Глазунова».